

ПИСЬМА К ЛЮЛИЧКЕ: эпистолярный дневник 1921–1922 годов

[13 июля 1921 года].

13 июля. Милый Люличка! давно не писала тебе, а за это время понемногу наши улицы преобразились, и перемена эта даже не особенно медленно продолжает усиливаться. Ещё недавно все окна магазинов были заклеены слоями старых афиш и газет, и кроме рынков не было никаких признаков торговли, не перед чем было остановиться; теперь я часто вижу, как скребутся и моются всё новые и новые окна и пишутся свеженькие, чистенькие вывески, и улицы преобразились, все магазинные помещения вычищены и заняты; в большинстве из них кафе, причём в витринах можно любоваться на белые булочки, пирожные и даже на сёмгу и копчёные сиги; есть также рестораны, где можно пообедать, кажется, тысяч за 8, и говорят, что подают, как прежде, официанты с салфетками подмышкой, но что на чай им не дают. Мы с Валли мечтаем как-нибудь пойти пообедать, — не для сытости, а так — для получения новых впечатлений, но, увы, пока одни мечты, т. к. ужасный денежный кризис, общий, у всех одинаково, ничего не продаётся, и у меня долгов масса. Много магазинов, где написано «починка часов» или «починка обуви, галош», есть витрины с детским платьем и бельём, где принимаются заказы с шляпами... — и всё это выглядит таким праздничным, только что вымытым, и мы все — публика, проходящая мимо — со странным чувством останавливаемся и, как дети, рассматриваем, что выставлено, так странно видеть этот возврат к старому, от которого мы так успели отвыкнуть. Одна эта возможность зайти в магазин и что-то купить, выбрав что хочешь, выказав личную инициативу так странна, ведь мы уже так привыкли только брать, что дают, совершенно пассивно, а при покупке надо выказать некоторую активность. В смысле продовольствия цены повышаются, масло опять 26 т[ысяч], и мы отказались от этой мечты, хотя давно сидим без масла, и хочется его опять до болезненности, хлеб 4 и 4 1/2 т[ысяч], но на рынках есть буквально всё, только нет денег. Недавно я вышла из дому утром в верёвочных туфлях, а выйдя со службы, попала под сильный и продолжительный дождь, ноги у меня моментально промокли, и туфли грозили обратиться в кисель, пропали бы 25 т[ысяч]; тогда я зашла под ворота, сняла туфли и чулки, взяла их в руку и пошла босиком, слегка смущаясь; но хотя идти мне было далеко (но народу я встречала много), но могу сказать, что ни одна душа не обратила на меня внимания; теперь ничем никого не удивишь; при этом наблюдая невольно встречных, я заметила, что с Дворц[овой] наб[ережной] до своего дома на Невском я не видела ни одного инт[еллигентного] человека, только простонародье. Впрочем, конечно, теперь часто и не отличишь человека общества. Недавно

я шла по Моховой с m-те Мекк, и навстречу шла одна высокая пожилая женщина в отрепьях (из сапог чуть не выглядывали пальцы), а рядом молодая девушка без шляпы, они поздоровались с m-те Мекк, и последняя мне сказала, что это была княгиня с дочерью. Недавно я на два дня ездила к Алёше в деревню, попала как раз на сенокос, жалела, что у меня нет фотографического аппарата, чтобы когда-нибудь показать тебе, во что превратился эlegantный Алёша; он ходит в онучах и лаптях, в подпоясанной белой рубашке, они с Таней встают в 2 часа ночи и идут косить сено, а потом к вечеру мы его вместе сгребали и возили домой. Лошадь достали у священника, за неё Алёша должен ещё отработать; кусок земли для покоса он получил за 2 пары брьюк, а остальное тоже должен сам отработать; мужицкая, низкая душная изба, тут же орут всё время дети, то один, то другой, надо ходить за коровой, готовить обед, полоть огород — очень трудно. Они уже втянулись в эту жизнь, и больше её не замечают, но мне, свежему человеку из города, эта обстановка показалась ужасной. В смысле еды тоже неважно, сейчас как раз всё старое кончается, а новое не поспело. Только молоко есть, но масла нет, хлеб со всякой примесью. Там начали уже жать неспелую рожь, т.к. хлеба не хватает. Юрочка — премилый живой и симпатичный мальчик, в первую минуту я назвала его Колей, так он мне его напомнил, а потом стал мне напоминать Модю, во всяком случае, что-то наше семейное, а маленькая Мирочка напоминает со своим двойным подбородком тётю Лизу Розен.

[14 апреля 1921 года].

14-го апреля. Вот 2 дня как внезапный холод и проливной дождь. Возникает беспокойство относительно урожая и картошки, если так будет продолжаться, то все сгниёт. Была сегодня в Эрмитаже, там во многих местах потолок протекает и на полу огромные лужи. Я готовлюсь быть руководителем по Эрмитажу и слушаю там лекции, которые читаются специально для будущих руководителей. Сейчас в них большая нужда, т.к. никого нет. Сегодня была там группа приезжих, они сегодня последний день в Петербурге, завтра уезжают, а руководителя не было, и я решила вести их и экспромтом провела по Ит[альянской] школе. Они и за это были благодарны, а мне была практика; много, много слухов о том, что Петербург будет скоро вольным городом, что скоро приедет торгов[ая] англ[ийская] миссия и с нею тысяча солдат и <нрзб.>. А сегодня слух, что в Германии новый император, один из сыновей Вильгельма, и что в связи с этим прерваны опять сношения с Россией, и пароходы с товарами из Герм[ании] не придут. Мы купили сегодня на рынке пучок свеклы за 3 т[ысячи], 2 ф[унта] грибов — 5 т[ысяч] и 2 б[утылки] молока — 4 т[ысячи] Позволяем себе теперь иногда молоко, но в общем наша пища всё так же однообразна, как и наша жизнь; в сущности нас больше не окрыляют никакие надежды на будущее, мы просто живём, не надеясь, не ожидая больше ничего, и это действит[ельно] ужасно; так и представляешь себе, что вот опять настанет

зима, дров ещё меньше, опять закроем все комнаты, переселимся в маленькую кухню, опять жить, не раздеваясь и не моясь, а там опять весна, и так и пойдёт — с ума сойти. Лучше не думать о такой жизни, а иллюзий больше никаких. Ужасно худею это время и страдаю бессонницей, пошла сегодня к доктору, он сказал, что бессонница — это пустяки, но что у меня лёгкие больны, велел придти через неделю, и тогда начнёт их лечить. Ведь это теперь эпидемически; кажется, нет ни одного человека со здоровыми лёгкими, может быть, это у всех всё-таки на почве недостаточного питания.

[22 июля 1921 года].

22 июля. Пишу в постели; третьего в среду шла мимо Летнего сада к т-те Мек[к], чтобы снести даме лекарство, и вдруг с крутого мостика Лебяз[вей] канавки бесшумно летит автомобиль да ещё круто поворачивает в мою сторону; я успела проскочить, но получила страшный удар по ноге, боль была страшная, и я полтора часа брела до дому, и теперь лежу, т. к. не могу ступить на ногу. Вчера была у меня т-те Мек[к] и сказала, что Даша скончалась, по-видимому, от внутреннего нарыва; она же прислала мне доктора, кот[орый] нашёл, что перелома, слава Богу, нет, но нога распухла и всех цветов радуги. Лёжа в постели, от скуки меряю температуру и к удивлению замечаю, что среди дня у меня температура повышается, — это, впрочем, от лёгких, обязательно буду лечиться. Прошное воскресенье случайно продалась одна книга за 20 т[ысяч], и я решила быть легкомысленной и зашла в ресторан-кафе рядом с нашим домом, откуда доносились звуки скрипки. Нет, это удивительное чувство: стоять перед прилавком, покрытым белыми булками и пирожками и что-то покупать. Купила 2 довольно большие булки по 3 1/2 т[ысячи], и мне их завернули в хорошую бумагу, совсем как в прежнее время; в комнате рядом видела накрытые столы, и там 2 чел[овека] обедали, там же что-то с безумным темпераментом играл скрипач под аккомпанемент рояля. Меня невероятно освежило это яркое и новое и такое старое впечатление, и когда мы с Валли съели эти булки, то стало совсем чувство праздника. В то же воскресенье только и разговору было у всех о совершенно внезапном и неожиданном нововведении, о котором не было даже предварительных слухов. Вдруг стали брать колоссальную плату за проезд по ж[елезной] д[ороге], и это без всякого предупреждения. Так что лица, уехавшие куда-нибудь на день, не знали, как им вернуться... Мне рассказывали, что из Павловска и окрестностей толпы шли пешком, другие продавали кое-что с себя, чтобы купить билет. До Петер[гофа билет] стоит 14 т[ысяч]. До Луги 40 т[ысяч], до Москвы 140 т[ысяч]. Где же сразу взять такие суммы; конечно, вследствие этого и провизия вся повысится. Но, во всяком случае, является чувство, что мы с какой-то автомобильной быстротой летим к старому и вообще летим куда-то, и после мёртвого застоя последних месяцев бодрит ощущен[ие] такого быстрого темпа, даже если временно жизнь ещё ухудшается и осложняется. Скоро, говорят, дома вернутся домовладельцам, и будут

взиматься безумные суммы за квартиру и электричество, но откуда мы будем брать деньги, когда служба никого не кормит, а вещи больше не продаются. Но эти вопросы меня больше не смущают — придёт момент, и мы все вновь применимся к изменившимся обстоятельствам, одна перемена повлечёт другую, и мы всё-таки выживем. Много разговоров о том, что все ж[елезные] дороги, трамваи, заводы и т. д. переходят в руки иностранцев. Сейчас что?.. — я могу лежать с чистой совестью, т. к. действительно не могу двигаться; я наслаждаюсь покоем и отдыхаю. У меня силы уже далеко не те, что при начале революции, я очень от всего устаю. Все мы ведь так устаём от этой жизни, всем нужна была бы на несколько месяцев хорошая санатория; одно меня смущает — это мой чудный аппетит, а всё, что ешь, так дорого стоит, особенно у меня потребности жирного, но этого нет. Сейчас доносится через открытое окно пение петуха, и ещё новость из какой-то квартиры: визг поросёнка, очевидно, только что кем-то приобретённого, — совсем деревня. Ужасно жаль бедную Валли, на которую вследствие моего несчастья обрушились все хозяйственные заботы и дела, она тоже еле бродит.

[28 июля — 13 августа 1921 года].

28 июля. Уже хожу, и с ногой всё кончилось благополучно. Слышала за эти дни массу разговоров. Образован Всероссийский комитет помощи голодающим, там соединились все партии. И вот говорят с уверенностью, что это-то и есть наше будущее правительство, которое под предлогом помощи голодающим будет иметь сношения со всеми городами, но, опасаясь, что, введя сразу плату за всё, оно сразу возбудит недовольство, оно потребовало от большевиков, чтобы последние ввели это ещё при себе, а большевики будто хотят сами уйти и только искали, кому бы передать власть. Затем, что будто уже новое правительство есть, но пока скрывается под старым именем; последняя вариация вызвана, конечно, всеми последними декретами, идущими вразрез с прежними, как напр[имер], о плате за всё, об открытии магазинов и т. д. 3-я вариация, что Россия разделена на 3 части: Север возм[ут] англичане, середину — немцы, юг — французы. А сегодня в газете официально, что Франция вошла в соглашение не только с Польшей, но и с Финляндией, чтобы вновь... [отсутствует часть строки. — *Ред.*] война, т. к. Антанта надеется, что страшный голод в России будет ей помощью. И вот уши слышат это всё, глаза читают, и внутри ничего в душе больше не реагирует, а ведь в прошлом году сразу было бы радостное волнение, ожидание, и если вспомнить хотя бы саму себя, то по сравнению точно я была доверчивым ребёнком и стала сомневающимся взрослым человеком. Хотя если действительно что-нибудь будет со стороны Финляндии, то это мы в Петербурге почувствуем по крайней мере сразу, это хоть не за тридевять земель, где-то во Владивостоке. Ведь мы все уверены и чувствуем, что всё это подходит к концу, но уже не к тому фантастическому сказочному перевороту, о котором мы мечтали годы, а просто к медлен-

ной, но верной и в сравнении прозаической перемене, которая не заставляет сердце биться скорее. Но прямо чувствуется, что колесо повернулось в другую сторону, момент поворота прошёл незаметно, а теперь всё больше и больше ощущается обратное движение. Невский, со своими открытыми магазинами и чистенькими [стёклами] витрин, продолжает меня поражать, и, по-видимому, не меня одну, т.к. у витрин продолжают толпиться. Вот сегодня я тоже протолкалась посмотреть, что выставлено, а там красуются главным образом вымытые чистенькие пучки морковок, как раньше у Гурмэ. А то любят на выставленную сёмгу, белые булки, и я заметила, что каждый отходит с улыбкой на лице, очевидно, от приятного далёкого воспоминания. Да, но кризис у нас всё же отчаянный, хлеб из лавки мы получаем так редко и гомеопатически, что это почти что ничего. Дома запасов нет, надо покупать на рынке, а там цены безумные, картошка всё по 1600 р[ублей], купишь 5 ф[унтов], это на 2 дня, суп варим просто воду со ржаной мукой и солью, а главное, денег нет. Вот теперь мне надо получить из кооператива Дома учёных три ф[унта] риса и ещё чего-то, но надо уплатить 22 т[ысячи], а их нет, и ничего не продаётся, прямо отчаяние. Но вот сейчас Мар[фа] Ионовна принесла 15 т[ысяч], она продала мои 7 тарелок на нашей же лестнице, м[ожет] б[ыть] что-нибудь ещё продастся. Валли эти дни была так слаба и так худо выглядела, что я стала за неё беспокоиться; сегодня ей лучше, ведь мы ещё не голодаем, но сегодня хлеба совсем не ели, а без него что-то всё не хватает.

[13 августа 1921 года].

13 августа. Очень интересно делается жить, чуть ли не каждый день новые декреты, *уничтожающие все большевистские нововведения*¹¹. Так, в четверг — декрет о том, что мебель представляет собственность владельца, о праве её покупать и продавать; в пятницу — декрет, что разрешена продажа вина¹²; сегодня суббота — декрет о денационализации домов, что владелец является управляющим своего дома¹³ и имеет право жить в своей квартире даром; и всё-таки... хотя это можно назвать бешеным темпом, с которым *мы несёмся обратно*, но я как типичный человек ещё недовольна, и вот чем: *я лучше бы согласилась, чтобы остались все большевистские притеснения и сложности, но чтобы их самих не было*; теперь же уничтожаются все их деяния, но ведь они-то остаются, всё же чувствуешь, что власть *над собой* — *это хамы, воры, мошенники*, во всех учреждениях мы имеем *с ними дело, разве можно дышать свободно, чувствуя их над собой; пусть не будет ни булочных, ни собственности, пусть вселяют,*

¹¹ Здесь и далее курсивом передано подчеркивание в тексте.

¹² Имеется в виду декрет СНК РСФСР от 9 августа 1921 года «О продаже виноградных, плодовых и изюмных вин». Разрешена была только продажа вин крепостью не более 14 градусов, запрет на производство и продажу водки, введённый с объявлением войны 1914 года, был сохранён.

¹³ Вероятно, имеется в виду декрет СНК РСФСР от 8 августа 1921 года «О предоставлении собственникам немунципализированных строений права возмездного их отчуждения».

обирают, но чувствовать, что это делается не мерзавцами, а другой породой людей, чувствовать доверие и хоть немного уважения к власти, в распоряжении которой всецело находишься, — вот только тогда я вздохну свободно. Как глотка свежего воздуха, хочется порядочных людей. А пока что же — приходится утешаться хоть витринами, они всё ещё привлекают массу публики, следовательно, всё ещё новы для нас, я сама всегда останавливаюсь; видны иногда груды печёных аппетитных круглых хлебов, а над ними несколько громадных французских булок, можно любоваться на сало, масло, колбасу, копчёные сиги, не говоря уже о булочках с маком и о пирожных — ими всё полно; а сегодня открылась кондитерская против Гостиного двора, там особенно густо толпились, и действительно, зрелище было достойно публики: 2 громадных торта мокко, бисквит, пирожные и ватрушка. Открываются и другие магазины, выставлены нарядные блузы, детское бельё, шляпы и т.п., не говоря о мастерских. Но денег нет. Моё жалованье 8500 р[ублей] в м[еся]ц, да иногда... [пропуск в тексте. — *Ред*] а фунт хлеба стоит 3500, крупа 7 1/2 тыс[яч], мука 4 тыс[ячи]. И мы едим, несмотря на все пирожные в городе, всё также однообразно: картофель, каша и иногда свёкла или морковь, последняя стоит 2 т[ысячи] 500 [рублей] фунт. И главное — трудно достать деньги. У меня сейчас долги и ни гроша, но мы всё-таки как-то существуем; соседка мне выменяла чехол от матраца за пуд картошки и обещала в долг дать 10 ф[унтов] муки — и опять живём, на время так и выпутываемся. Но неделю тому назад у меня было удивительное вкусовое ощущение. Милая m-me Мек[к] решила перед отъездом устроить маленький журфикс и пригласила меня; был кофе с молоком, бутерброды с сыром и настоящие старорежимные пирожные (поразительное ощущение — съесть настоящий éclair¹⁴), и Валли было послано всего понемножку, и она тоже насладилась. Вчера я провела чудный час или полтора. Мне разрешил заведующий Шеремет[евским] дворцом пользоваться садом этого дворца, ведь это так близко, и вот вчера был настоящий летний вечер и была свободная минута, я пошла туда, села на скамейку и отдохнула от всего; можно было вполне забыть близость города и вообразить себя в саду старинного имения, тем более что сквозь листву виден был фасад старого дома; я получила, сидя там, какое-то эстетическое удовлетворение и поняла, что это то, что абсолютно отсутствует в нашей жизни; никаких эстетических впечатлений — ни зрительных, ни даже вкусовых; природы нет — от неё мы отрезаны, выехать никуда нельзя; когда выходишь на улицу, то видишь толпу, в которой нет буквально ничего эстетического; дома — дрова, чистить картошку, мести пол, есть кашу, жевать чёрный хлеб; и, конечно, когда на фоне всего этого можно хоть час посмотреть на силуэты деревьев на вечернем небе, почувствовать на языке сладость и нежность éclair'a или полчаса поговорить с изящной и старорежимной баронессой Иксуль, с квартирой которой я имею дело, то это сразу освежает хоть ненадолго. Правда, что эстетический элемент в России всегда

¹⁴ Эклер (*франц.*).

отсутствовал, и это особенно резко чувствовалось всегда, при возвращении из-за границы: в одеждах, жизни, устройстве городов, во всём. Эрми-таж для меня тоже перестал существовать, т.к. я веду там экскурсии, следовательно, имею дело там с теми же красноармейцами, с той же толпой, как на улице. Сейчас вычистила опять всю квартиру, топила плиту, Вали и я — мы вымылись, но уже 2-й час ночи. В газетах всё только о том, что без помощи иностранцев нам не обойтись, а они эксплуатируют наш голод и обещают помощь, если распустят Красную Армию и т.д.

[18 августа 1921 года].

18 авг[уста]. Особенного ничего, много разговоров, которые все сходятся на том, что в понедельник или вообще приблизительно в 20-х числах будет такой декрет, от которого мы все ахнем; разговор идёт чуть ли не об Учредительном собрании, которое соберут сами большевики; эта неделя — неделя чистки города, отовсюду жители домов вывозят помои в тачках на улицу и затем грузят их на трамвайные платформы, вероятно, на днях будет та же процедура и у нас. По поводу этой чистки тоже говорят, что это англичане так приказали, чтобы к приезду иностранцев город был чист; никто не допускает мысли, что чистоту можно наводить и для самих себя. Цены вдруг стали падать, хлеб 3 т[ысячи] фунт, картофель 700, но денег вообще же нет. В воскресенье вечером я вышла с Вали на Невский, она теперь выходит немного; погода была чудная, двери и окна всех кафе были открыты, и отовсюду доносилась музыка, но народу внутри видно очень мало, тем не менее без конца открываются все новые кафе и магазины продуктов питания. Была сейчас у нас в гостях *баронесса Корф*, она домо-владелица, и говорит, что ей просто противно видеть, как переменялся тон жильцов с нею: они перед ней заискивают, любезно кланяются, а ещё недавно третировали её. Последнее время я вывозила часть мебели Ермоловой с её согласия из её квартиры, населённой матросами; у них тоже тон переменялся после декрета о том, что мебель составляет собственность владельца, они меня спрашивали с растерянностью и недоумением, что же мы теперь будем делать, если она у нас всю мебель отберёт.

[22–23? августа 1921 года].

[1 слово нрзб. — *Ред.*] августа. Ничего особенного, и, право, в тысячный раз себе говоришь, что *надо совершенно перестать думать об освобождении*, — когда придёт, тогда и порадуемся, а пока лучше не предвкушать заранее чувство свободы, т.к. от этого тиски ещё невыносимее. Только что приходила знакомая, которая рассказала, что Ленин уже уступает власть и уходит со сцены и на его месте будет Красин, и что Ллойд-Джордж в последней речи сказал, что до зимы Россия будет свободна, а пока нами управляет ЧК, где сидят преступники и мерзавцы, и аресты всё продолжают. Вот только факт, что из *Европ[ейской]* гостиницы выселили помещавшийся там приют и её чистят, и т.к. вся она разгра-

блена, то тратятся миллионы, чтобы приобрести мебель и вновь омеблировать её для иностранцев, конечно. Третьего дня вечером мне экстренно сообщили со службы, что в особняке Меликова на Фурштат[ской], откуда я уже вывозила вещи, комиссия по улучшению быта рабочих нашла замурованный в стене клад, много серебра и фарфора; я тебе уже говорила, что масса кладов в стенах домов, но обыкновенно их выдают люди, которые помогали их прятать. Одним словом, тут эта комиссия явилась с планом, на кот[ором] ясно было указано, где искать замурованную дверь, я там была и видела эти вещи: много серебра, которое пойдёт как предмет внешней торговли, и много старинного серебра и фарфора, которое будет отобрано нами. Говорят, что в этом доме ещё должен быть подземный ход, но, во всяком случае, последнее время не только дети, но и воспитательницы и сам заведующий слышат по ночам какие-то скрипы, стуки и шаги, и детям жутко, и, конечно, скоро пойдут истории о привидениях.

Мы с Валли почти каждый вечер немного выходим, чтобы ей подышать воздухом, обыкновенно только до Надежд[инской] и обратно, и Валли не может привыкнуть к виду этой публики, гуляющей по Невскому. Ведь и раньше, сравнительно с заграницей, процент интеллигентной публики был очень мал, но теперь, так сказать, людей общества вообще больше не видно, один плебс, одно простонародье сплошь, и в каких туалетах — не то что бедно и оборванно, но ужасно по безвкусию [и] хамству; так недавно я видала одну, задрапированную поверх костюма в большую шаль из настоящего брюссельского кружева, или вчера одна разгуливала в японском капоте, шитом шелками, и длинные грозди лиловых цветов спускались по её спине до пяток, кажется, под этим была ещё рубашка, но больше, конечно, ничего. Всё это напоминает даже не провинцию, а какое[-то] разнарядившееся село, я думаю, иностранцы будут поражены этой публикой, но это, по-видимому, всё, что осталось в живых. Мнения о русских приходится выслушивать ужасные, и не только от одних немцев, которые имеют дело с крестьянами и называют их... [вписано 5 слов на немецком яз., нрзб. — *Ред.*]¹⁵, но и от русских, которые, или пожив в деревне или имея дела с низшими классами, пришли к такому заключению, что, пожалуй, *даже евреи лучше русских и более способны к усвоению культуры. Ни чувства чести, ни возможности положиться на слово, ни благородства — одна нечестность, обман, лень, корысть, хамство, воровство у родного брата, безнравственность, беспринципность, и это, говорят, должен быть народ-богоносец. Единственный возможный элемент — это те, в которых есть хоть некоторая примесь иностранной крови, всё истинно русское никуда не годится, и многие говорят, что немцы правильно называли русских*¹⁶ ... [вписаны 2 слова на нем. яз., нрзб. — *Ред.*]¹⁷. Это я тебе пишу то, что слышу со всех сторон, и, к сожалению, должна сказать,

¹⁵ Предположительно: «das niderlichste Volk auf erden».

¹⁶ Здесь и далее выделен курсивом текст, в оригинале отчёркнутый на полях.

¹⁷ Предположительно: «Dunder Volk».

что из личных теперешних опытов вынесла ту же характеристику, и образование в этом отношении, конечно, ни к чему не ведёт; так, молодой коммунист, вселившийся в нашу квартиру на Конюшенной, конечно, совсем простого происхождения, но спрашивал у меня, нет ли английских книг, т. к. он выучился читать по-английски, говорил о симф[онических] концертах и просил оставить ему нот, т. к. он играет на рояле, да ещё подделал ключ к запертой комнате и наврал жильцам, что будто я его уполномочила войти в эту комнату, где заперты наши вещи; хорошо, что жильцы ему ответили, что дадут ему войти, переговорив со мной; вот я и подумала: новое русское поколение будет, может быть, знать иностранные языки, играть на рояле, но вместе с тем не будет обладать никакими принципами и устоями, станет вороватым и с европейцем всё же не сравняется. Недаром Аргентина так возмущалась десятком проживающих у них русских прислуг, которые всё обворовывали их и разводили грязь и клопов. Очень это всё грустно слышать и сознавать, и остаётся только утешаться немногими исключениями, вроде нашей милейшей Марфы Ионовны (Шура у Андрукович).

[29 августа 1921 года].

29-го августа. Прошёл слух, что Иоффе убит, но теперь этот слух, по-видимому, подтверждается, но в газетах об этом ни звука и подробности пока неизвестны. Затем слухи, что Шлиссельбург на военном положении и что с 1-го сентября будет введено воен[ное] положение и у нас. Затем арестованы все морские офицеры и отправлены в Москву, вообще масса арестов, засад, и многие расстреляны на этих днях; так [2 слова на франц. яз., нрзб.; предположительно читается: belle-sœur¹⁸. — Ред.] Madame Mekk, а в <нрзб.> сношения с Финляндией и по-видимому также бар. К...¹⁹, котор[ую] я иногда видела у этой же М-ме Мекк. Затем слухи, что будто бы [в] Финл[яндии] задержали идущие к нам пароходы с продуктами и вообще их больше не пропустят, т. к. большевики будто бы распределили между собой продовольствие, которое прислала голодающим Европа, и голодающие остались ни с чем; повторяю только то, что говорят. А вот следующий факт. Мой знакомый, бывший дворецкий Шерем[етевых], приехал с Сиверской и говорит, что там отобрали у населения сто пудов [зерна] и погрузили в вагоны, чтобы отправить голодающим, а через несколько дней он уже видел, что из вагонов таскают мешки на мельницу, чтобы перемолоть в муку, так что, вероятно, голодающие от этого ничего не получают. А город, т. е. магазины, всё более и более напоминают старое время, и у витрин толпятся, только когда выплывают из прошлого ещё какие-нибудь давно забытые вещи. Так, недавно стали вдруг появляться в окнах вязанки сушек — это опять новость, и есть на что поглядеть; булочные, кондитерские всё больше начинают походить на прежнее, появились плюшки и большое разнообра-

¹⁸ Свояченица (франц.).

¹⁹ Возможно, имеется в виду баронесса Корф, упоминавшаяся выше.

зие в пирожных; а сегодня открылся магазин Berram на Невском против Кат[олической] церкви — это опять новость — и там толпятся, выставлены тянушки, конфеты, рахатлукумы — очень странно смотреть. А вчера ещё скопление народа — приставлена лестница к вывеске, и наверху её живописец, кот[орый] старательно выводит ярко-жёлтой краской по чёрному фону «Обувь»; я тоже остановилась, он так аппетитно это выводил. Масса магазинов с новой обувью, и очень элегантной и красивой, интересно бы войти и спросить цену; прямо не понимаешь, откуда берётся опять весь этот товар: пуговицы, тесёмки, всё есть, только материи ещё не видно. Также всё разговоры об ошеломляющих декр[етах], кот[орые] со дня на день должны появиться в печати; есть люди, которые слышали это будто[бы] от наборщика, кот[орый] эти декреты набирал; один из них о вольном городе, но декреты эти всё что-то не появляются, но каждое утро все набрасываются на свежерасклеенные ещё мокрые газеты, очевидно, все с одинаковой надеждой, трудно протолкаться, чтобы прочитать, но отходишь с разочарованием.

[4 сентября 1921 года].

4-го сент[ября]. Живём под впечатлением кошмарных расстрелов 61 чел[овека] по делу Таганцева, никогда список расстрелянных не производил такого ужасного впечатления, и потом, насколько яснее чувствуешь и сознаёшь весь этот ужас, как только есть один знакомый в числе погибших. Так я знала Ухтомского, он тоже служил в моем отделе, а потом ушёл в Русский музей, а я заняла его место; и вот когда вспоминаешь, что ещё недавно я его видела, разговаривала с ним, а теперь его нет и что он не умер, но просто убит самым зверским образом, то сразу можно как-то ещё больше сочувствовать тем семьям, из которых таким ужасным образом были вырваны эти погибшие. 16 женщин и совсем молоденькие, главное, абсолютно неповинные; кажется, что и заговора-то никакого не было, просто им нужны были жертвы, надо было кого-то утратить, кому-то точно бросить вызов. Говорят, что более левые опять взяли верх, что Троцкий и Зиновьев взяли верх над *более правым Лениным*, и вот их первое деяние, и тон в газетах опять другой: о декретах, о вольном городе, обо всех этих надеждах, исполнение которых было, казалось, так близко и правдоподобно, опять больше никто не говорит, и никто не ждёт; горизонт просветлел и опять затянулся тучами, за которыми ничего не видно, и, как всегда вслед за таким разочарованием, жизнь, которую мы ведём, кажется ещё ужаснее, положительно физически чувствуешь, будто какая-то тяжесть опять навалилась на плечи. Вчера узнала, что в 4 ч[аса] в Каз[анском] соборе будет панихида по Ухтомскому, и шли уже слухи, что будто будут арестовывать всех, кто туда придёт. Я была на этой панихиде. В громадном пустом Казанском соборе стояло человек 40, которые казались там небольшой кучкой, — вся интеллигентная приличная публика, от которой так глаз отвык, остатки интеллигенции, которые собрались помянуть вновь выбывших из строя,

были представители Эрмитажа и Русского музея и просто знакомые; моё внимание привлёк старый-старый маленький сторбленный старичок, который плакал, и после панихиды он и вдова Ухтомского долго целовали друг друга и вместе плакали; я спросила потом, кто это. Это был отец Таганцева; после этой панихиды остальные ещё остались, должна была быть панихида по Лазаревском. *Их расстреляли на Пороховых, и ведь перед этим не дают* даже проститься с родными, ни священника не призывают, просто *увозят* на грузовике и перед расстрелом велят раздеться; одежда теперь слишком большая ценность, чтобы портить её пулями, потом всю *эту одежду делят между собой на Гороховой; стреляют их, говорят,* из револьвера и тут же закапывают в приготовленную яму. Ведь тысячи и тысячи погибли уже таким образом, и мы всё это знаем, но почему-то эти 61 чел[овек] оставили какое-то особенное впечатление ужаса и кошмара.

[16 октября 1921 года].

16 октября. Полтора месяца не писала тебе ничего. Что же писать... Чувствуется только, что период разрушения кончился и начался период созидания, который идёт довольно быстро и вновь приносит старые формы жизни, к которым мы так привыкли; опять всё только за деньги, кончились все бесплатные выдачи, хлеба с 1-го октября совсем не получаем, вместо него выдавали муку 3 ф[унта] белой и 2 ф[унта] ржаной на двоих, сегодня получили ещё 3 1/2 ф[унта] муки в последний раз, теперь каждый будет получать хлеб или муку на службе; причём Валли, как находящуюся на моём иждивении, я смогу также прикрепить к моей службе. Во всех учреждениях идут страшные сокращения штатов, у нас сократили наполовину, я пока осталась, на других службах увольняют 75%, у нас будет тоже громадное количество безработных. Цены приблизительно те же, только последние дни внезапно повысилась цена на масло — 40 т[ысяч] и сахар — ... [пропуск в тексте. — *Ред.*] т[ысяч] фунт. Я рассчитала, что если заменить тысячи копейками, то получаются цены старого режима: так, хлеб 3 1/2 — 4 т[ысячи], т. е. раньше копейки, прежние 3 коп. франц[узские] булочки стоят теперь 3 т[ысячи], пирожные — 3 и 4 т[ысячи], мясо ... [пропуск к тексту. — *Ред.*] т[ысячи] фунт; сегодня купили фунт мыла за 22 т[ысячи], раньше оно стоило 22 коп. Отдала в полный ремонт свои валенки, это мне обойдётся в 300 т[ысяч] — сумма, которой сапожник ужаснул меня, но если считать это за 3 руб., то это вполне нормальная цена. Недавно видела на Невском в витрине выставленные чулки по 35 и 50 т[ысяч], опять нормально, и раньше стоили они 35 и 50 коп.; единственно невероятно: понизилась оплата труда, если все продукты повысились в тысячной пропорции, то труд понизился в миллионной, и всё продолжаю получать 6 коп. в месяц. За уроки англ[ийского] языка, напр[имер] платят по 5 т[ысяч] час, но даже если бы и 10, то это 10 коп., а раньше минимум час считался 35 коп. Всё понемногу возвращается к старым формам, теперь надо, чтобы и жалованье, хотя бы нищенское, обеспечивало служащего, и я не сомневаюсь, что и это скоро

установится нормальным образом, но пока очень трудно. Продала сегодня своё тёплое ватное одеяло, которое мне очень хотелось оставить на зиму, за 350 т[ысяч], но пришлось отдать, чтобы заплатить за валенки. Теперь ещё забота о зимнем пальто... — [что] — не придумаю. Я чувствую, как я устала жить, и именно теперь, когда всё возвращается к старому, — эта усталость всё больше будет давать себя знать; когда всё кругом рушилось, то это была борьба на жизнь и смерть — как бы поединок жизнью грудь о грудь, и в такие моменты силы удесятятся, чувство жизни и энергии повышаются невероятно, какое-то упорство, вдохновение, которое даёт победу. Это была безумная штыковая атака, после которой теперешняя сравнительно вялая защита от жизни скучна, и именно после таких крайних напряжений должна явиться реакция, которая у меня выражается в чувстве усталости и скуки; ничто больше не подхлестывает нервы, немногие оставшиеся знакомые кажутся скучны, с ними не находишь больше о чем говорить, я боюсь к ним заходить, т. к. именно боюсь этого вялого разговора, ведь раньше разговор шёл всегда за счёт политики, ещё не так давно ожидался если не переворот, то хотя бы вольный город, всё это составляло темы, на которые говорилось с таким оживлением, это одинаково было близко сердцу каждого, теперь таких общих точек соприкосновения нет; я, напр[имер], питалась последнее время изучением Эрмитажа, но он далёк для других, и говорить об этом не стоит; чем другие заполняют себя — не знаю, но это может быть далёким для меня, о чём раньше всегда находилось говорить — не представляю себе. Мне определённо хотелось бы побыть в санатории, я бы хотела целый день лежать и молчать и даже ни о чём не думать, и так прожить месяц, после чего, думаю, что могла бы вновь стать жизнеспособным человеком. Поездка в Лугу и обратно стоит 80 т[ысяч], и, конечно, я не могла бы позволить себе этого удовольствия, но попросила нашего комиссара дать мне командировку, чтобы якобы осмотреть несколько имений, не осталось ли в них каких-нибудь худ[ожественных] ценностей; и, получив таковую, отправилась к Мари Надель. Марфа Ионовна из той же деревни и часто мне передавала её поклоны и приглашения. Вот я и отправилась и с лёгкостью прошла 15 вёрст от Луги до её усадьбы; погода была хорошая и дорога была довольно сухая, так приятно было вырваться из города и идти среди тишины полей и вдыхать чудный воздух. Я там провела 3 дня и так отдохнула... — это был какой-то чудный мираж. Мою комнату топили, можно было вставать и мыться в тепле, а затем эти блаженные слова «кушать подано» и блаженство спокойно и сидя есть, что не надо одной рукой держать вилку с куском, а другой уже хвататься за топор или мешать суп в кастрюле — тут я всегда в движении и работе; пила молока сколько хотела, ела яблоки и заслушивалась, сидя у топящейся печки, рассказами о давно умерших членах нашей семьи — целая семейная хроника, и столько драм и страданий. Эти 3 дня мне кажутся сном из другой жизни, и трудно было после них опять войти в свою колею. Мне всё показалось так холодно и неудобно. Керосина у них почти нет, и с 6-ти часов мы сидели в темноте и разговаривали о прошлом;

конечно, это вынужденное бездействие было для меня желанным отдыхом. Побывала в 2-х соседних имениях Пыхачевых и «Сырце» Шереметевых; везде запустение, разгром. При мне там рубили старую еловую аллею, сад заглох, ступени провалились, так грустно было там ходить, и вспоминались наши семейные имения в Вит[ебской] губ[ернии], которые, наверное, теперь в таком же виде. У Надель маленькая усадьба, и их не тронули, с крестьянами они в дружбе и любят их со всеми их недостатками, из которых главный — нечестность: муж крадёт у жены, жена у мужа, дети у родителей; но это уже считается естественным — так как все воруют у всех, то поддерживается равновесие. Я там кое-что выменяла на муку и хлеб, причём, один мужик взял папину трубку за 8 ф[унтов] муки, которые должен был стащить потихоньку от жены. В наш дом усиленно вселяют и уплотняют население, нам вселили одного латыша — актёра латвийского театра, совсем простого, неотёсанного, но добродушного и по-видимому безвредного человека и, грешным делом, как ни грустно это, но мы более спокойны, что не русский, т. к., может быть, не будет у нас воровать мимоходом и более чистоплотен. Его поселили в моей комнате, я переселилась в Валлину, а Валли в столовую; опять была масса работы всё это перетаскивать и устраивать, потом пилила и колола скопившиеся за лето дрова, но, увы, очень мало и придётся опять топить только плиту и то изредка. Работала эти дни с утра до вечера, тупо, как выючная лошадь, привыкшая к своему ярму, и среди этой работы, как мираж, вспоминались 3 дня в Луге как кусочек жизни в европейских условиях среди бессрочной каторги Сибири.

[17 октября 1921 года].

17 октября. Сегодня была у меня одна г-жа Штюмер, по делу службы, но живёт теперь в деревне, в её квартире пока вселили жильцов, и теперь, приехав на несколько дней, она попросила меня передать в наше бюро имеющиеся у неё некоторые худ[ожественные] ценности, а также старинную мебель; я отправилась к ней на квартиру, на Преобр[аженскую] ул., несмотря на то, что там живут все... [пропуск в тексте. — *Ред.*] — обычное впечатление грязи и запустения; нашла у неё собственноручное письмо Петра, старинные грамоты, семейные портреты; потом прошла в другие комнаты, занятые жилицей, кажется, из ЧК, там обратила внимание на старинные книги в кожаных переплётах, валяющиеся на столе, спросила, чьи они. Оказалось, что я нахожусь в комнатах Гумилёва, расстрелянного в числе 62-х, книги его, и мне сказали, что вдова его хлопочет, чтобы их возвратили ей, поэтому я не стала их описывать; там остались ещё многие лично его вещи, все они в ведении этой девицы из ЧК, тогда как, наверное, каждая из них так дорога была бы его жене. Вот куда неожиданно заносит судьба.

[19 октября 1921 года].

19 октября. Я страдаю положительно какой-то прострацией, даже подумываю собраться к доктору, с утра чувствую усталость. На улице еле

плетусь и всё смотрю, нет ли где удобной тумбы или стенного выступа, где бы можно было посидеть; хотелось бы лечь, и чтобы меня никто больше не тревожил. Но, может быть, это совсем не физическая, а просто моральная усталость, эта борьба с жизнью без передышки, из-за каждого куска, который проглатываешь, отсутствие каких бы то ни было самых пустяшных удовольствий и развлечений, затем чувствовать себя ободранной, в лохмотьях, сегодня дождь и туман, и мои дырявые сапоги промокли — всё это угнетает; наши лохмотья и заплатки не живописны, как они бывают под южным солнцем, или я не обладаю достаточно худож[ественным] мировоззрением, чтобы находить их таковыми; думаю, что если бы я могла доставить себе маленькое разнообразие жизни, позволил себе хотя бы купить пирожное, или пойти хоть в кинематограф, или одеться прилично, то, возможно, что я бы ожила и, возможно, что я что-нибудь подобное сделаю, и не из легкомыслия, а просто как необходимое лекарство, необходимая маленькая встряска против угнетающей меня усталости и апатии. Встретила сегодня на набер[ежной] одну сослуживицу, она меня спрашивает: «Что вы так плетётесь?» Я ей говорю: «У меня прострация». А она мне говорит: «Знаете, это многие теперь на это жалуются, это морально[е], потому что ждать больше нечего, надежды раньше поддерживали». Но я не хочу опускаться, это всё-таки не в моём характере, и мне надо будет найти для себя что-нибудь, чтобы было чем жить, ибо не одним хлебом жив человек. Надо тебе сказать, что месяц тому назад мне пришлось очень против воли остричься и приобрести, *так сказать, стиль советской девицы*; дело в том, что у меня началось катастрофическое выпадение волос, пошла даже к доктору, он сказал, что на нервной почве, прописал лекарства, которых я нигде не могла найти, и посоветовал остричь волосы, вначале как будто помогло, а вот теперь в связи с этим состоянием усталости опять волосы стали падать, это очень мучительно — ко всей остальной неэстетичности жизни ещё опасность облысеть. Вероятно, из-за недостатка топлива пускают всё это время очень слабый электр[ический] ток, и получается такое тусклое красноватое освещение, которое тоже угнетающе действует, если бы можно было ярко осветить комнату, то сразу стало бы веселее.

[31 октября 1921 года].

31 октября. Пожалуй, мне придётся скоро прекратить моё писание за неимением каких бы то ни было выдающихся событий. Что же я могу сообщить? Вот неделя, что начались морозы до 6,7 градусов, мы опять мёрзнем, дров ещё меньше, чем в прошлом году, и даже при самой большой экономии на всю зиму не хватит; опять ходим в комнатах, обвешанные платками, с окоченелыми пальцами, пальто зимнего больше нет, но на улице в движении теплее, чем дома; ужас, до чего все дошли: несколько дней тому назад, когда шёл ещё мокрый снег, я видела одну даму, ещё довольно прилично одетую, но ноги у неё были завернуты в тряпки, и шла она в громадных стоптанных галошах, видно было, как тряпки уже намокли и мокрота

подымалась всё выше; и у многих моих знакомых такое же положение: из сапог торчат пальцы, и на зиму ничего нет, — а главное, нигде, ни дома, ни на службе, нельзя согреться, везде холодно. Теперь опять как в 18-м году мы все отстаиваем часами очередь в кооперативах, и на это уходит масса времени и сил.

[2 ноября? 1921 года].

2 октября, ноября. Вот 2-й день, что тает; радуюсь, т. к. экономия дров, в комнатах теплее, но зато опять мокрые ноги, т. к. обуви нет. Сегодня у меня было поручение по службе: в 20-х числах октября из дома бывшей Юрьевской — Гагаринская, 3 — из кв[артиры] бывшей Толстого вывезены были принадлежавшие ему вещи, и Русский музей просил нас их отыскать, т. к. среди них были ценные художественные вещи. Вот я и пошла на Гагаринскую, один парадный подъезд нашла заколоченным, в другом никого не было, ворота закрыты, но через ворота следующего дома проникла во двор, где мне указали помещение коменданта дома, ощупью по тёмной лестнице нашла указанную дверь, и там мне пришлось долго ждать его. Пока разговорилась со служащей там барышней, и она мне сказала, что у них только ещё устраивается общежитие голодающих, из которых составляется артель грузчиков, что голодающих прибывает масса и некуда их разместить. Вскоре пришли в эту же комнату бородатый пожилой мужик с бабой, оба в крестьянских жёлтых тулупах, видно, прямо из деревни; баба показала барышне записку какую-то, и при мне выяснилось, что это голодающие из Казанск[ой] губ[ернии], но вот 5-й день, как он сам помешался — всё думает, что его приговорили к расстрелу, и всюду просит, чтобы его записали в партию сочувствующих; в это время пришёл комендант, и я попросила его сначала заняться ими; он написал записку в больницу Николая Чудотворца... [отсутствует строка. — *Ред.*] ... тоже отшибло, тогда и он [мужик. — *Ред.*] подошёл и стал говорить, просить, что если уж надо его расстрелять, то чтобы созвали бы хоть сходку, чтобы знать, за что ему пострадать; я ему на это говорю, что его поведут в больницу и что там его накормят, но он мне на это говорит: знаю, говорит, знаю, куда меня поведут, на площадь поведут, и знаю, чем там накормят. Я вызвалась проводить их хоть немного, чтобы показать, как пройти хоть на Садовую, а комендант пока обещал мне навести справку по моему делу; вот мы и пошли, он шёл послушно, принимал меня за коммунистку, которая ведёт его в тюрьму: остановился у группы рабочих, попросил покурить и громко сказал: «Вот, в тюрьму ведут»; по дороге я ему купила папирос (10 шт[ук] за 2000) у бабы-торговки; видя по одежде их, что это голодающие беженцы, она подарила ему ещё две папиросы, а ей денег; он закурил и немного успокоился, а она мне пока рассказала, что у них ещё дочь 20 лет осталась лежать в общежитии, потому что нездорова, как в огне горит, всё тоже ходила с мокрыми ногами; и мы шли и шлёпали по лужам и мокрому снегу — я в рваных сапогах, они в мокрых лаптях; потом он вдруг останавливался и говорил: «Не пойду, знаю, куда вы меня ведёте», — но тогда жена его брала его за одну руку, я за другую,

и мы снова шли; так я довела их до угла Невского и Садовой и указала, что теперь идти осталось всё прямо и на Покр[овской] пл[ощади] опять спросить; хотела поручить их кому-нибудь из прохожих, но никто не хотел ими заниматься, так они и пошли одни, а я вернулась в Лит[ейный] район ещё по одному делу. Около 4-х опять пошла к коменданту, на дворе сновало много таких же исхудалых людей в зипунах и много татар, на лестнице было ещё темнее, и я открыла по ошибке дверь в другую квартиру — там в тёмной холодной комнате без мебели видела силуэты людей, и одна женщина в лохмотьях ходила взад и вперёд по комнате, укачивая кричащего грудного ребёнка; наконец попала к коменданту, он ничего не мог мне сказать о моём деле, а послал меня в другой дом по Гагаринской, где находится ДКТ²⁰, ведающий и этот дом; он вышел вместе со мной, чтобы показать мне этот дом, в это время повалил мокрый снег густыми хлопьями, навстречу нам попалось несколько оборванных детей, которые несли охапки где-то набранных щепок, а у ворот, уже прощаясь, он сказал мне: «А больной-то наш опять уже здесь». — «Как здесь?» — Я не хотела верить своим ушам, ведь я их проводила до самой Садовой. «Да, — говорит, — а потом он упёрся, и жена ничего не могла с ним поделать — вернулся; я на дворе был, он упал передо мной на колени в самую лужу: „Простите, говорит, больше никогда не буду, не посылайте меня расстреливать“». — «Что же теперь с ним будет?» — «Да постараюсь, — говорит, — отправить его в санитарной карете, у нас все почти больные лежат, половина перемрёт, наверное. Санитарная карета приезжает каждый день, но берёт только 4–5 чел., а надо брать по 20, ну, как-нибудь я его отправлю». Так мы и расстались, в доме напротив — никого, ДКТ-де не было дома, и так я и пошла домой, вся облепленная мокрым снегом, шлёпая среди серого тумана по грязи и унося с собой впечатление этих вымирающих беженцев. Там они всё-таки привыкли к теплу в своих избах, немудрено, что они умирают в нетопленных сырых помещениях, в нашем гнилом городе, да и кормят их, очевидно, тоже не досыта. Пришла, одела сухие туфли, съела холодного супа с холодной кашей и теперь пишу околоченная. Хотя сейчас у нас 9 °, не так холодно, сырость ужасная в комнатах. Вали тут же за столом шьёт и едва держит иголку околоченными пальцами. Газет я давно не читала, но разговор только о том, что наше правительство готово признать царские долги с условием, что Европа его признает; все говорят, что это хорошо, что это повлечёт за собой перемены к лучшему и приблизит нас к Европе; я готова верить, что это хорошо, и даже надеяться на что-то лучшее, но в душе ничего больше не шевелится, ничего похожего на прежний радостный энтузиазм при каком-нибудь подобном известии.

[3 ноября 1921 года].

3 ноября. Сегодня с утра пошла в жилищный отдел на Московской, всё по тому же делу Толстого. Всё так же падал густой снег, который тотчас же таял, пошла по Влад[имирскому] и увидела 2-х маленьких детей, сидящих

²⁰ Домовый комитет трудящихся.

на корточках прислонившись к стене дома, немного дальше ещё маленькая девочка татарского типа, дальше ещё двое и 3-е, на паперти Влад[имирской] церкви ещё... и одна девочка слепая, — точно комочки какие-то, прилепленные к стене; идя обратно, я сосчитала их: их было 9 от Влад[имирской] церкви до Невского, и у всех такое страдальческое выражение от холода, сидят, ежатся, жмутся, руки красные, одеты плохо, — это всё дети голодающих; последнее время я часто видела то одного, то двух и всегда очень маленьких, лет 6–8, но никогда не видела их в таком количестве; самое лучшее для них было бы их обогреть, но этого я никак не могла сделать, у нас в квартире можно только окоченеть, и, к сожалению, мне не пришлось видеть, чтобы кто-нибудь подходил к ним и давал что-нибудь; я думаю, что спеша большинство не замечало их, т.к. они сидят и стоят так смиренно, даже руки не протягивают, и только смотрят, они чувствуют себя потерянными в большом городе — сразу видно, что не городские дети. Всё это время читаешь иногда в газетах о голоде и голодающих, и всё это казалось так далеко где-то, а вот эти 2 дня мне пришлось испытать самой — какой ужас, ужас именно, что все разорены, все мы нищие, живущие в холоде, не имеющие лишней тряпки, лишнего куска хлеба, и потому чем-нибудь активно помочь не можем. Понятно, что они все умирают повально. В наш дом тоже вселили в одну квартиру семью татар, в кв[артире] ни мебели, ни дров, они все лежат больные, двоих ДКТ уже отправил в больницу. Я всё думаю, как бы сделать, чтобы нагревалась комната, в которой мы сидим, и надумала проломать в стене, которая её отделяет от кухни, большую дыру, тогда, когда я буду топить плиту, то тепло будет идти сюда. Несколько дней искала печника или кого-нибудь, кто бы это сделал, но никого не могла найти. Но теперь голова работает, как у Робинзона Крузо на необитаемом острове, и я вспомнила, что у меня есть инструменты для мрамора — взяла молоток и отбила ими штукатурку и кирпичи с 2-х сторон и сделала бы всё сама, но, к сожалению, посередине оказались доски, и чтобы перепилить их, надо будет всё-таки кого-нибудь найти; а не найду, то буду хоть месяц резать их перочинным ножиком, как какой-нибудь [1 слово нрзб. — *Ред.*] в темнице. Вот и инструментам моим пришлось пройти одинаковую с нами эволюцию и вместо благородного аристократического мрамора иметь дело с кирпичом и штукатуркой — стиль Революции.

[7 ноября 1921 года].

7 ноября 1921 г. Знаменательный день. Годовщина Октябрьской революции, вместе с тем и 3-х ление моих писем. Вот не думала бы я тогда, что мне придётся *3 года писать тебе, не отправляя* писем, и кто знает, может быть, и ещё 3 года мы будем отрезаны от Европы. Хочу рассказать тебе моё времяпрепровождение этого великого дня. С утра я решила покончить грязную работу по ломке стены: отбила штукатурку и со стороны кухни, 3 раза спускалась во двор и вынесла на помойную яму 2 ведра со штукатуркой, при этом заметила у нас, что жильцы все решили воспользоваться сво-

бодным днём для пилки дров, и со всех сторон слышались звуки пилы, стук топора и говор, точно какой-то субботник. Квартира наша была в ужасающем виде, вообще царило большое оживление; по окончании моей работы всё было густо покрыто белой пылью, пришлось 2 раза вытереть пол мокрой тряпкой и затем перетереть каждый стул и даже каждую кастрюлю, зато теперь у нас чисто, точно перед Пасхой; убрав всё, натопила плиту, температура у нас была утром 6 гр[адусов], и мы закоченели, уже начались морозы, и вспоминается, что в первую годовщину было грязно и тепло. На обед сварила суп из ячневой крупы с брюквой, на второе печёная картошка, а к ужину [отсутствует слово. — *Ред.*] полученные последний раз на паёк; затем вымыла волосы, напудренные известковой пылью, выстирала 2 блузы, и только кончила, как в 6 часов пришла ко мне на урок одна знакомая, которой я помогаю учиться англ[ийскому] языку. Тут я в первый раз с утра села. Среди урока погасло электричество, и всё погрузилось в тьму, пришлось зажигать лампу, но через полчаса, слава Богу, зажглось опять. Такие дивертисменты случаются часто. После урока мы пообедали, потом я села штопать чулки, а Валли в это время читала мне вслух «Le siècle de Louis XIV» Dumas²¹ — книгу, кот[орую] мы читаем с большим удовольствием; а потом я пошла к моему повару узнать, нельзя ли купить дрова. Так как я узнала от моей ученицы, что сегодня все магазины и даже кафе закрыты, а обыкновенно только ими освещены улицы, то ожидала тьмы, но нет — на Невском горят электр[ические] фонари, до Аничк[ова] моста один ряд, а дальше к Адмир[алтейству] даже 2 ряда, кроме того, кое-где горели цветные лампочки, весьма скромно напоминающие иллюминацию; довольно много народу, но т. к. кафе закрыты, то в общем оживления мало, а когда шла обратно, то где-то далеко за домами взлетела на мгновение, осветив все дома, одна ракета. Вот и всё — не похоже на первую годовщину и никакой подачи вроде какой-нибудь сайки. А магазины понемногу совсем приблизились по внешнему виду к старорежимным: масса гастрономических... и вообще всё больше насчёт еды, видны пирамиды великолепных яблок, виноград, ветчина, копчёные сиги, масло, булки, плюшки, пирожные — всё, что угодно; и больше это никого не удивляет, у витрин никто не толпится, цены растут, хлеб уже 4000 ф[унт], масло больше 40, сахар — 400; всё это для нас абсолютно не существует, точно выставлена бутафория, до такой степени даже в голову не может придти мысль зайти что-нибудь купить, единственно, что мы покупаем иногда, это хлеб, и его вздорожание для нас очень чувствительно. В магазинах вообще очень пусто, редко 2–3 покупателя за один раз, но тем не менее они существуют, видны и витрины с готовыми великолепными зимними манта, с роскошными меховыми пелеринами — очевидно, всё у кого-то реквизированное — но там покупать могут уже только чекисты и самые крупные спекулянты.

²¹ Вероятно, имеется имеется в виду биографический роман Александра Дюма-отца «Louis XIV et son Siècle» («Людовик XIV и его время»).

Много обуви, валенок, у Вейса опять витрина полна изящной обувью, но мы все ходим в рваных сапогах и смотрим на эти витрины, как на картины, изобр[ажающие] *nature morte*²². Обращение «товарищ» совсем вышло из моды; ещё прошлую зиму ко мне часто обращались на улице с просьбой указать какую-нибудь улицу, именуя меня «товарищ», теперь же, несмотря на мои заплаты, вот уже 3-й раз что меня называют сударыней. Затем заплаты, лохмотья и дыры больше не в почёте, это всё было хорошо в начале Революции, и тогда даже без всякой надобности *старались одеться победнее*, пооборваннее, чтобы *походить на пролетариат*; теперь же, кто только может, старается выйти из пролетарского стиля и подделаться под стиль буржуазии. Я читаю сейчас Gre[e]n'a «The history of the English people»²³. И меня поразила фраза Кромвеля: ... [вписаны 8 слов на англ. яз., нрзб. — *Ред.*]²⁴. Ведь это было сказано в 1660 г., когда ещё не было нашего опыта в революции. В этом году хочу попробовать вновь посещать Университет, и потому пошла туда зарегистрироваться; там всё опять переменяли, всё вверх дном, и никто пока не разбирается в этой ломке. Теперь существует общественно-педагогический отдел, куда я механически попала с бывшего общественного бывшего исторического факультета, но только я зарегистрировалась, как узнала, что существует на Литер[артурно-]худож[ественном] отделении специальный т. наз. Музейный цикл, где происходит исключительно ист[ория] иск[усства] и то, что меня больше всего интересует, а потому придётся перерегистрироваться; пока хожу только на лекции Фармаковского — очень интересно. В этом году гораздо больше учащихся, чем было в 19/20 г. Но и в Университете мне пока не пришлось слышать слова «товарищ», вместо него полновластно, по-видимому, вернулось прежнее обращение «коллега». Очень жалею, что прикрепил свою продов[ольственную] карточку на службе, где ничего не выдают, а не в Унив[ерсите]те, где студентам дают теперь по целому фунту хлеба в день, а теперь приходится экономить каждый кусочек. Пишу это всё по возвращении с Моховой, температура у нас поднялась с 6 до 8, так что сносно, сейчас пойду спать в свою комнату, изолированную от этой ради экономии тепла, там теперь только 2 градуса, но я переодеваюсь на ночь здесь и там только сплю, опять уже одевая на ночь и фуфайку и шерстяные чулки и покрываясь 3-мя одеялами, что мне тепло.

[8 ноября 1921 года].

8 ноября. Скоро откроются опять комиссионные магазины, видела уже несколько новеньких вывесок — всё это так напоминает 18-й год. Вообще, точно мы ехали в поезде в одном направлении, и теперь, дойдя до известного пункта, он повернул обратно, минуя все прежние знакомые станции

²² Натюрморт (*франц.*)

²³ Вероятно, имеется в виду книга английского историка Дж. Р. Грина «Краткая история английского народа» (*J. R. Green. A Short History of the English People*).

²⁴ Предположительно: «What is the purpose of that level in a principle».

в обратном порядке. Те же кооперативы и очереди, которые были тогда, в первый год после революции; судя по этому, *мы теперь переживаем последний год до конца революции, и через год придём к той же станции, с которой отправились в путь под красным флагом.* Сегодня всё занесено снегом, который идёт беспрерывно; к часу пошла на службу, встретила там совсем расстроенную О. Н. Сем.: вот 6-й день, что у неё ВЧК арестовала её дочь, её обвиняют в сношениях с заграницей и контрреволюции, её муж за границей, и думают, что она была с ним в сношениях, — теперь для неё ужасное состояние беспомощности и неизвестности; со службы пошла в Университет, страшный холод и ветер, особенно на Неве, хожу в тоненьком пальто, зимнее сносилось окончательно, галоши промокают, и в тёплом помещении снег тает и ноги делаются мокрыми, потом опять выходишь на мороз; в Университете безумный холод, и я не могла дожидаться, когда кончится лекция Фарм[аковско]го, так замёрзла и так у меня болит горло. С ужасом вышла из холодной аудитории на ещё больший холод и вьюгу и всё время думала: если поддамся внутренне, заболею, надо себя уверить, что я не заболею, что мне очень хорошо; была вчера у доктора, который мне прописал лекарство от горла; по дороге зашла заказать его в аптеку, но этого лекарства в аптеках нет, остаётся только полоскать солью и внутренне себя поддерживать; до сих пор не могу согреться, хотя у нас нормальная темп[ература] — 8 гр[адусов]. На Невском и сегодня горят фонари.

[9 ноября 1921 года].

9 ноября. Сегодня на Невском фонари уже не горят больше, всё обыденно, погода в сущности чудная, 6 гр[адусов], ясное небо, тихо, сугробы белого снега, и когда я возвращалась домой по набережной, то любовалась и на розовый закат и на молодой месяц; да, всё это прекрасно на улице, но в комнатах мороз даёт себя чувствовать, мне холодно насквозь, хотя я опять в пальто и тёплой фуфайке, а ноги обернуты в газетную бумагу, опять мы окружены паром своего дыхания; кроме того, жилец первый раз топил сегодня купленную им печурку, дымоходы все засорены, ведь их не чистят, и потому его комната полна дымом, а т. к. дверь из его комнаты от сырости набухла и не закрывается, то весь этот дым проходит к нам и разъедает нам глаза — мы кашляем, чихаем, жмёмся и дрожим от холода, кричим и охаем, проклиная нашу собачью жизнь, дров нигде не достать ни за какие деньги. У Валли так пальцы полопались от холода, что из них идёт кровь. Сейчас пойду спать в ещё больший холод, в моей комнате только 1 градус тепла, горло болит и сделался насморк, но всё-таки я ещё пока здорова; снесла сегодня поселённой у нас в доме татарской семье рубашку, чулки и чепчики для годовалого ребёнка, тёплая фланель нашлась у меня, а Валли сшила; нашла их всех лежащими на полу в пустой комнате в подвале, маленький в одной рубашонке до пояса. Отец и один ребёнок в больнице, по-видимому, у них тиф, а двое тут валяются больные. По-русски

они почти ничего не понимают, и очень трудно с ними объясняться. Вчера на лестнице просила милостыню у каждой двери ещё беженка с маленькой девочкой, плачут от холода; потом стучалась к нам ещё женщина и умоляла дать хоть одно полено, что у неё дочь 14-ти лет лежит больная и мороз в комнате, мы дали ей 2 полена, и наша соседка — 3. Как мы проживём эту зиму — не знаю, особенно если будут большие морозы.

[10 ноября 1921 года].

10-го ноября. Провела замечательно интересный и полезный день: с утра затопила плиту и сварила обед, к 2-м часам побежала на службу, но, слава Богу, заседание было отменено, и я спустилась в кооператив, стала в очередь, и с 2-х до 6-ти простояла и пришла домой только в 7-м часу; это ужас, эти очереди... — притупляет все умственные способности, даже страдаешь тупо и стоишь с какой-то деревянной бес[чувств]вительностью под конец, точно кукла. Действует раздражающе говор толпы, давка, толкаются, бестолковость, слышишь обычные замечания: «Вот жизнь собачья, и когда это кончится», — а другой кто-нибудь отмечает: «Да никогда не кончится, ещё хуже будет, пока не подохнем». Один мужичок в армяке хотел попробовать поострить: «Вот, — говорит, — Россия всегда была с носом, а теперь стала с хвостом». Но никто не поддержал его, и он не встретил себе сочувствия, все были слишком уставшие, злые, раздражённые. Потом один служащий, еврей-коммунист, стал требовать, чтобы его пустили вне очереди, т. к. ему надо непременно на партийное заседание, — тогда поднялся гвалт, все точно проснулись, заволновались: «Не пускать, не пускать!..» Наконец с помощью заведующего его водворили на место. Через несколько времени вдруг заметили, что он как-то подложил мешки свои, а сам стал в стороне, а когда ему всё отвесили, хотел незаметно их взять, тогда опять все проснулись, заволновались, стали называть его в лицо нахалом; я тоже почувствовала в себе негодование и предлагала высыпать его мешки обратно и не выпускать его, но, конечно, кончилось как всегда, наглость победила: сопровождаемый самыми обидными замечаниями он спокойно ушёл, добившись своего, а мы продолжали стоять дураками. Наконец около шести я получила свою муку и крупу по кооперативу и фунт хлеба по городским карточкам, кот[орая?] меня искренне обрадовала, т. к. дома хлеба не было, и вышла на наб[ережную]. Мороз стал как будто сильнее, стоял туман, даже Петропавл[овской] крепости не было видно, кое-где горели костры, кот[орые] жгли солдаты, сторожащие сваленные на наб[ережной] дрова, снег скрипел, и после людской сутолоки так приятно действовали тишина и мир пустынной набережной и широкого пространства. А теперь пишу в 8 час. вечера, вот и день прошёл. Ещё немного почитаю, поштопаю чулки, пополощу горло солью за неимением других лекарств — и спать, а завтра опять служба жизни.

[23 ноября 1921 года].

23 ноября. Милый Люличка, пишу тебе в кухне, где Валли и я сидим целый день. Я топлю из экономии так мало, что этим теплом невозможно согреть помимо кухни ещё большую комнату, в которую я пробила дыру (между прочим, доски мне перепилили за 20 т[ысяч], так что образовалось большое окно), поэтому мы её тщательно на день закрываем и сидим в сносной температуре, а спим в холоде. К нашему жильцу приехала его жена из Риги, и многие оттуда возвращаются опять сюда, т.к. там невозможно найти какой-нибудь заработок, а тут она уже нанялась шить, шить подённо. Наши жильцы оказались честными и чистоплотными — это такое редкое счастье: можно спокойно уйти из дома и не бояться, что в твоём отсутствии всё растащат. Теперь так поражает, что кто-нибудь не вор. Ищу, кому заказать маленькую печурку для большой комнаты, но один мастер, которого мне рекомендовали, просил мне передать, что у него сейчас железо всё вышло, и чтобы принимать заказы, он должен ещё наворовать новый запас, и это звучит совсем обычно и естественно. Ужасно поднялась цена на масло — 75 тыс[яч] фунт, а сахар — 50 тыс[яч]; мы, конечно, давно обходимся без этих продуктов и даже забыли о их существовании. Внезапно появилось много дров, их продают на рынке, и можно покупать возами и вязанками и даже отдельно брёвнами. Но несколько дней тому назад сажень стоила 400 т[ысяч], а теперь может быть и ещё дороже. Надо обязательно купить, но денег нет, и, милый Люличка, я надеюсь, ты поймёшь, что только крайняя необходимость заставляет меня пустить в ход одну из твоих кит[айских] серебр[яных] тарелок; пока я всё ещё их берегла, пока было что продавать, но теперь продаётся последнее. Валли продаёт ковёр и столовый сервиз, а я твою тарелку, и — тоже с болью в сердце — купленную папой картину «Охота на оленя»; её потом ничем не заменишь, т.к. столько воспоминаний детства с ней связано, это кусочек жизни нашей семьи, наверное, буду всегда её жалеть, как мамин браслет, но ничего не поделаешь — «отречёмся от старого мира», чтобы купить дрова. Татарская семья, вселённая к нам, должна была исполнять в доме обязанности дворника, но так долго никто не приходил за мусором, что сегодня снесла его сама на помойную яму, а потом спросила Мар[фу] Ионовну, почему никто из них больше не приходит. «Да ведь они все умерли», — ответила она. У меня даже мороз прошёл по коже. Как все умерли? Да так, отец и мать умерли в больнице, потом мальчик и девочка 3 и 5 лет, годовалого отдали в приют, а старшая 15 лет ещё пока жива. А сегодня ко мне приходила родственница Толстых по поводу разыскиваемых их вещей, и от неё я узнала, что из этого общежития голодающих на Гаг[аринской,] 3 каждый день выносят покойников по 10-ти. Недавно там умер отец, оставил пятерых детей, и мать одна умерла — оставила троих; все эти дети бродят по двору без призора, прося у всех кусочек хлеба, точно брошенные собачки, и, конечно, тоже не выживут. Там царит такая эпидемия тифа, что немногие жильцы, остановившиеся на частных

квартирах, тоже хотят оттуда выехать, боятся остаться. В газетах написано, что приём голодающих в Петроград прекращён; из тех, кот[орые] имели несчастье приехать, наверное, никто не выживет. Ольга Мих. пишет из Германии, что там всё мирно, тихо, только дороже, чем было, и видно много фр[анцузских] войск, и что, когда она рассказывает о нашей жизни, никто ей не верит. Пайки везде сокращают. На нашу службу вместо 17-ти последний раз прислали 3; не знаю, кто их получил, но, во всяком случае, пайка больше не получаю. Толстовские вещи раскрадены жил. отделом, и только часть мягкой мебели описана; всё остальное пошло по рукам. Подавать[в] угол[овный] розыск не стоит: вещей всё равно не найти, а только будут без конца беспокоить. Вчера была у Бельгард, и меня угостили мясными котлетами с жареной картошкой, и вообще было очень симпатично, точно на пути маленькая остановка в культурном оазисе; выходя оттуда в 9-м часу вечера, увидела, что вдали от Невского царит та же тьма, как и в прошлом году; в некоторых местах должна была осторожно нащупывать дорогу, тем не менее, попала в какую-то выбоину и упала; зато, выйдя на Невский, могла любоваться некоторым подобием освещения: у ворот каждого дома горит электрическая лампочка, а, кроме того, освещают магазины. Большая разница по сравнению с прошлым годом.

[24 ноября 1921 года].

24 ноября. Какой ужас, что время так летит: получила свой законный отпуск с 15-го по 1-е декабря (полагается отдыхать 2 недели в год) и не замечу, как он пройдёт. По Невскому вот уже 2-й день идёт трамвай, ещё одно знакомое явление выплыло из прошлого, очередь очень большая, и я пока ещё на нём не ездила, трамваи идут до 6 часов веч[ера], плата — 1000 руб. Давно не была у моего повара, я их по-прежнему люблю, но не выношу нового элемента в их квартире. У них поселился бывший повар, молодой тип с женой, девочкой и сироткой-няней этой 3-х летней Зиночки. Но это не такой повар как Андрукович, а совершенно неотёсанный мужик, который, кажется, был поваром только на корабле и варил кашу для матросов. Теперь он коммунист и где-то служит комиссаром. Скачок от прежних его условий жизни к теперешним таков, что, кажется, мозги его этого не выдержат, и на меня он производит впечатление, будто он уже болен манией величия. Каждое утро ему подают лошадь, и он важно едет на службу, причём во всем старается подражать сложившемуся у него в голове представлению о министре. На правой руке у него великолепных 4 кольца с бриллиантами и рубинами, на левой два; последний раз я его попросила показать мне одно из них, старинное, — он с наслаждением снял все, чтобы я могла ими полюбоваться, и с такой важностью говорит мне: «Все мои кольца сделаны по моему заказу у Бока, вы ведь знаете Бока... Поставщик его величества». Вот последнее для него важнее всего. У его жены 22 [1 слово нрзб. — *Ред.*] серёг, не говоря о платях, а в деревню он,

говорят, отправляя вагонами чудную мебель и сундуки с материей. Последний раз они собирались в гости. Жена его была одета в чёрное шёлковое платье, сверху донизу шитое золотом, китайское шитьё — и по юбке и по корсажу ползали свирепые драконы; я чуть было не спросила: «Вы едете на костюмированный бал?» — слава Богу, меня перебили объяснением, что они едут на вечер. Тогда он опять с важностью спрашивает при мне, какой костюм ему лучше одеть: синий, чёрный или ещё какой-то, — чтобы показать, сколько у него костюмов; всё это так явно, неумело. Ему посоветовали одеть чёрный, и через 5 мин[ут] он пришёл показаться в новеньком прекрасном костюме, причём на груди оставил цветную русскую рубашку. Бедные люди, они больше не умеют держать себя просто и естественно, они всё время с напряжением стараются играть роль буржуев и изо всех сил подделываются под них, причём считают, что для этого надо держать себя важно и говорить свысока. Положение прислуг, пожалуй, не выиграет с революцией, т.к. им придётся служить у этих новых господ. Вот новый класс общества. Когда я на них смотрю, то кажется, будто я сижу в театре и это актёры играют, но, по правде сказать, приятнее было бы видеть этих типов на сцене, чем быть с ними в одной комнате.

Вчера, 6-го декабря по старому, я была у одних знакомых, кот[орые] просили меня с ними погадать, вышла от них в 12 ч[асов] и пошла по Невскому; шло много народу, всё больше парочки, очень весёлые, все кафе освещены, у одного из них стояли несколько лихачей и вышедший швейцар просил посторониться — там кутят, очевидно, вовсю, удовлетворяется жажда удовольствий, кутежей, но всё это проходит мимо нас и кажется каким-то далёким и таким чуждым миром, там кутят чужие и далёкие нам люди, те люди, с которыми мне, кажется, трудно было бы найти общий язык. Появился также на Невском плакат, возвещающий об открытии Института красоты, много параграфов: уничтожение угрей и прыщей и т.д., — а последний параграф гласит, что натуральный румянец, чарующий взгляд и улыбка [да] ны всем, — и, наверное, успех будет большой. Большевики человечество переменили. А по лестницам всё бродят и звонят у каждой квартиры голодающие, и эпидемия сыпного тифа царит по-прежнему. Недавно проехала по Невскому на трамвае, заплатила за это удовольствие 3 тыс[ячи]; на [1 слово нрзб. — *Ред.*] вскочила газетчица, выкликая: «Газета „Правда“! Кому газету?!», — и тут же [1 слово нрзб. — *Ред.*] номеров было куплено; газета стоит 2 т[ысячи], и по углам улиц на прежних местах, где раньше, стоят опять газетчики и газетчицы и выкликают газеты, только названия не те. Деньги опять подешевели, раньше можно было считать тысячу за копейку, а теперь она, пожалуй, упала до 1/4 коп., теперь уже часто приходится произносить слово миллион, тысячи — это уже ничто, бумажки по 250 р. больше нигде не берут. Стоят довольно сильные морозы, и у нас холодно: в моей комнате градус мороза, в Валиной 5 тепла, и даже в кухне только 9 гр[адусов], но сейчас я почти 2 часа колола на дворе дрова и принесла

наверх вязанку, так что пока мне ещё жарко. Дрова ещё приходится таскать самой, но за мусором уже всегда приходит выжившая татарка, и письма тоже разносят по квартире.

[1 декабря 1921 года].

1 дек[абря]. Я тебе, кажется, уже говорила, что хожу в летнем пальто, прошлогоднее подобие зимнего носилось окончательно; пошла к нашему милому комиссару попросить выдать мне что-нибудь из т[ак] наз[ываемой] кладовой, реквизированные их вещи, знала, что там имеется ещё доха и тулуп; в этом мне отказали, но зато я получила ордер на выдачу мне из кладовой Зимнего дворца одной ливреи, ваты и подкладки. Вот сегодня я пошла в Зимний дворец и получила распоротый верх пальто, какие носили дворцовые служащие; отличное сукно, только слегка поеденное молью, — взяла его с удовольствием; затем в другой кладовой получила 4 ф[унта] ваты, там укладывали в корзины дворцовую посуду с гербами, и на мой вопрос, куда её везут, ответили, что это голодающим детям. Оставила все пакеты у знакомой и пошла в Университет подавать анкету. Надо тебе сказать, что ввиду общего сокращения пайков выяснилось, что только около 2000 учащихся могут получать таковой, а всего сейчас около 9000 студентов, поэтому, чтобы выяснить, кому оставить паёк, вывешен везде в большом коридоре Унив[ерсите]та экземпляр анкеты, кот[орый] надо заполнить. Тут, главным образом, вопросы, касающиеся какого сословия был человек до Революции, чем занимался, кто был папа, кто мама, чем они занимались до и после 17-го года, где живут, служил ли ты в белой или красной армии, был ли арестован, и т. д. Вопросы довольно коварные, и главное — опять *противоречие между теорией и практикой: в теории всё направлено как бы для уничтожения сословий, их нет, есть только люди, а на практике тщательное отграничение одного класса от другого, и, конечно, теп[ерь] дворянам нет шансов на получение пайка, который должен облегчить возможность учиться; поэтому и тут стараются примениться к новым условиям, пишут: «дочь или сын врача», «гражданин города Петрограда» и т. д. Эти анкеты должны быть представлены в 2 экз., и я целый вечер писала и затем, как требовалось, снесла их заверить ДКТ; между прочим, я забыла тебе сказать, что с ДКБ²⁵ переименовано в ДКТ: бедноты больше нет, есть только трудящиеся. Очередь в Университете была громадная, но ведь мы все приобрели уже такую привычку стоять в очередях; тут мне пришлось почувствовать общее настроение учащихся, и, несмотря на большой процент [слово пропущено. — Ред.], оно произвело на меня впечатление очень анти-большевистского: громко раздавались замечания, что раньше не только дворяне, а и крестьяне имели свободный доступ к учению, а теперь страшно и написать, что дворянин; что в 1-ю очередь *получат пайки все партийные, а нам, простым смертным, ничего не останется и т. д.* Так что видно было, что*

²⁵ Домовый комитет бедноты.

коммунистов что-то мало. Наконец дошли и до моей очереди, в комнате принимали анкеты 4-ро, все молоденькие, лет по 17-ти, крайний совсем мальчик еврейского типа; мне ужасно не хотелось подавать ему, но как раз попала именно к нему, он небрежно взял мою анкету, смотря в другую сторону, переговариваясь с сидящими за ним, и между прочим проглядывал и мою анкету; спросил, служу ли я, — говорю, что пока да, но с 1-го января меня сократят, — «Ну так принесите об этом бумагу со службы, и тогда мы вас примем», — сказал он мне милостиво; я, оказывается, не так скверно попала. Побежала скорее на службу и вижу с удивлением, что двери открыты, выносят вещи, отдел переезжает в Мих[айловский] дворец [на] Милл[ионную] 19. Тут я попросила машинистку написать удостоверение, что с 1-го января я увольняюсь, и была ошеломлена известием, что я вместе с другими уже с 1-го декабря больше не числюсь на службе. Вот как делаются вещи: вчера ты идёшь на службу, и тебе ничего не говорят; сегодня приходишь, и тебе говорят: «Вы уже не служите», — и это так происходит на всех службах; без всякого предупреждения в один прекрасный день человек выброшен на улицу, и хотя службой никто не живёт, тем не менее на многих это действует ужасно. Так одна моя сослуживица говорит мне: «Ведь вы подумайте, мне 64 года, куда я денусь, и говорят, что есть предельный возраст, меня никуда больше не примут». И продавать ей нечего. Я ей говорю: «Попробуйте давать уроки языков». Но ведь это легко сказать, а где их найти, и потом молодые могут бегать, хлопотать, а что же может сделать такая старушка, и она ведь не единственная. Хотя я почти ничего в сущности материально от службы не имела, но вследствие такой неожиданности у меня тоже было странное чувство: точно идёшь, идёшь по дороге, и вдруг перед тобой пропасть, пустота; конечно, это всегда только кажется в первый момент, а потом приглядишься и видишь свою дорогу дальше, сама жизнь её покажет. Одним словом, пошла обратно в Унив[ерситет] с разнообразными чувствами: и чувство праздника, радости — точно школьница, выпущенная на свободу, и чувство грусти, так как ко многим моим сослуживцам у меня тёплое чувство и мне жаль с ними расстаться. Я много милых людей узнала за это время. Итак, я свободна и, пожалуй, от этой свободы почувствую только положительные стороны, материальной разницы не почувствую, о получаемом нами жалованьи и говорить нечего, только теперь для заполнения анкеты я узнала, что должна получать 120 т[ысяч] жалованья, но на практике я никогда не получала, и была поражена этой неожиданной для меня суммой; вероятно, ещё месяцами буду продолжать получать по гомеопат[ическим] дозам эти накопивш[иеся] за госуд[арством] суммы, а кооперативом и я и Валли сможем пользоваться дальше.

*Подготовка текста к публикации и комментарии
Ирины Флиге, Татьяны Притыкиной*